

РЕЧЁВКА

не так уж много в трудный час
простых да горьких
простых да горьких
и пусть останутся от нас
хвосты да корки
хвосты да корки

но мы стоим но мы горчим
не прокисаем
не прокисаем
и жизни нет иных причин
рецепт для женщин и мужчин
универсален

ТАТЬЯНА ВОЛОШИНА-ОРЛОВА

Кишинёв

*Рассказы из цикла «Времена блюд»***ЖАРЕННЫЙ АВГУСТ**

«Она уехала. Пе-ре-еха-ла. Переехала душу дочь».

Когда Лора пришла домой и принялась готовить ужин, эта мысль, как булавка, не давала разгладиться складке между бровями. Сегодня она купила перцы. Обычно они готовили их вместе. Кто-то жарил, а кто-то чистил. Вместе варили помидорно-луковую подливу, раскладывали перцы по тарелке, а потом сразу съедали. Перцы даже не успевали остывать.

Выгрузив мешок с перцами в мойку, Лора вытерла руку и, выудив засаленный пульт из-под вороха газет, включила телевизор. Пусть лучше бубнит вместо мыслей. Жарко. По телевизору говорили о лесных пожарах, о том, что горят торфяные болота, леса и поля.

Что-то странное для августа. На работе тоже одни разговоры о всяких аномалиях да о концах света. Сколько их уже было, концов этих? Все болтают, вот и по телевизору тоже, а потом, как ни в чём не бывало, расходятся по домам, думают о недоделанных отчётах, премиях, варят компоты и жарят перцы. А от неё уехала дочь. Да пусть бы уезжала! – Лора включила воду и принялась тереть специальной «овощной» губкой перцы. – Только красиво, достойно, а не как вор, пока никого дома нет. Спасибо, хоть деньги не тронула. Отношения с дочерью не заладились с детства. Ива считала, что мать давит, заставляет делать совершенно невозможные вещи. Но что такого невыносимого она заставляла её делать? Помочь приготовить ужин? Убрать в доме? Предупредить, что поздно вернётся? Улыбнуться и пожелать доброго утра матери, вместо того, чтобы хмуро проходить мимо. Сложный, строптивый и неласковый ребенок. Соседский Паша и то повнимательнее – очень воспитанный мальчик: и двери в подъезд предусмотрительно откроет, и сумки донесёт, и справится о самочувствии. А дочь у неё другая, равнодушная.

Даже на улице было жарко. Особенно во дворах. Из окон потянуло чем-то вкусным. «Чувствуешь, перцы жарят?». Ивина слегка кивнула своей приятельнице и жестом попросила остановиться, перевести дух. Пахло августом. Он жарился на раскалённом асфальте, под крышами бетонных домов. Лопался чьим-то терпением, сопел, пыхтел в панельных и котельцовых кастрюлях. Где-то уютно звенели столовыми приборами. Ивина подняла голову и словно увидела за занавесками в жёлтый горошек маму. Ей даже почудился её сверлящий высокий голос:

– Ива, я пожарила перцы. Почисть их.

– Ива, почисть перцы, как я учила: ножом, а не руками, ты же не свинья.

– Ива, девочка моя дорогая, знаешь ли ты, что нормальные люди жарят перцы на сковородке.

– Ива, пока не сделаешь перцы, никуда не пущу тебя.

– Ива! Во сколько нормальные люди домой возвращаются? Могла бы подумать, что мать ждёт тебя и ужинать не садится.

– Ива...

Ивина ненавидела перцы и занавески в горошек. Мать держала их всегда закрытыми, чтобы не видно было кухню. Манья преследования, что ли? Только по горящему там свету можно было понять, что мать вернулась с работы и готовит еду, а не морит себя голодом, как обещала, чтобы проучить дочь, заставить чувствовать себя виноватой. В течение трёх лет вечером Ивина приходила на это самое место и ждала, когда в окне зажжётся свет, и только потом, с облегчением вздохнув, возвращалась к себе. Мать не делала попыток выйти с ней на связь. Она не узнала, что Ива попала в больницу, что теряла работу, голодала... Ивина выздоровела, устроилась на новую должность и теперь вот уже двадцать лет была счастлива.

Приятельница, скучая, начала болтать о глобальном потеплении и конце света. Банально... об этом вспыхивают разговоры каждые десять лет. Ивина раздражённо прервала её болтовню под видом, что нужно позвонить. Прислонив телефон к уху и слушая длинные гудки, она видела: занавески в жёлтый горошек тонули в заходящем солнце, которое отражалось в окнах. Не было ветра. Воздух сгустился помидорно-луковой подливкой – горячей и вязкой. Не хотелось двигаться. Но всё же она постояла и пошла дальше.

В тарелке валяжно полулежали перцы. Изумрудные тюлени. Лора машинально оголяла их мясистую ленивую плоть. Кожа скручивалась, как обрывки полиэтиленового дождевика, в маленькие рулончики. Вытирая пот, женщина вдыхала их горячий запах. Это аромат августа и осени, думалось ей. Хотя осень была совсем неуловима.

Ближе к ночи пошёл мелкий дождь, и отключили свет. Ничего страшного, всего лишь маленький апокалипсис для продуктов в холодильнике. Устав будить аварийные службы, Лора смирилась, вынесла тарелку с перцами на балкон и легла спать.

Ей приснилось, что она открыла окно на кухне, высунулась и зовёт Ивину обедать, а дочь притворяется, что не слышит, играет в песочнице, как маленькая. Сыплет в зелёное ведёрко песок, а когда наполнит его, переворачивает и снова сыплет, сыплет, а песок яркий, жёлтый такой, будто солнце раскрошили.

Под окнами, громыхая, проехал грузовик. Лора проснулась, как всегда, рано. Тщательно умылась, оделась, заправила постель, размяла суставы и выпила стакан воды. Принесла с балкона жареные перцы. Они пахли августом. Ещё вчера было лето. Воспоминания о прошедшей жизни были холодными, остывшими. Лора села за стол и принялась завтракать. У неё всё было по-прежнему: старость, болезни, обиды... но если бы только Ивина позвонила ей!

ХОЛОДЕЦ ИЗ ДВУХ ПОЛОВИНОК ГРУШ

Одна половинка

Не включая свет, чтобы задержать послевкусие приснившегося полёта, Лера стянула со спинки стула старый мужской батник, накинула его и босиком прошлепала на кухню. Электронные часы, не мигая, уставились на неё своим магическим колючим глазом, в котором светилось круглое зелёное «5:35». Только посередке, выдавая напряжение, подрагивала точка. С холодильника за ней медитативно наблюдала прошлогодняя халлоуиновская тыква, уныло всматриваясь в пространство своими пустыми глазницами. Лера подумала, что в этом году ей вряд ли будет до Халлоуина... Да и не особо праздничное настроение. Трудно было дышать. Что-то вязкое никак не откашливалось. «Заболела», – обречённо подумала она и включила электрический чайник. Это у неё уже осеннее правило такое – подхватить простуду. Зимой правило другое – что-нибудь сломать, весной снова простудиться, ну а летом просто оказаться в больнице.

В окне тускло и призрачно белели щёки и нос. Сквозь них проступала обесцвеченная гаснущими фонарями улица. А в ней, как в холоде, застыли бока противоположных домов, крыши и белые рёбра берёз. Все это медленно покрывалась инеем наступающего дня. Чайник после шумного пыхтения вдруг притих, потом забулькал и выключился. Лера бросила в стакан пакетик чая и, приставив носик чайника к краю чашки, осторожно стала лить кипяток. Пакетик всплыл брюшком вверх, словно дохлый лягушонок. Лера усмехнулась, представив, что была бы она ведьмой, покупала бы вместо чая коробку с сушёными

жабами. В кафе для волшебников официант интересовался бы: «вам какую жабу заварить: зелёную или чёрную? А лимончик добавить?».

В холодильнике ещё с позавчерашнего вечера остался холодец. Надо бы доесть. Холодец раньше всегда её забавлял: кладёшь на тарелку – он трясётся, как живой. Эдакий слизень-увалень. Сунув замёрзшие руки в карманы батника, она нащупала бумажку, аккуратно сложенную треугольником. Хмм... прошлогодний список продуктов. И первым по списку килограмм груш. В октябре она часто просила Глеба покупать груши. На прилавках их было в изобилии. А он покупал только килограмм. Экономил. Говорил, если купить больше – пропадут: не холодец же из них делать. И груш всегда не хватало. На самом деле, это был один из его прозрачных намёков, чтоб заканчивала кукситься и устраивалась поскорее на работу. Однажды он целый месяц с ней не разговаривал. Жили, как чужие в одной квартире. Она устроилась на работу, не долечившись, и попала в больницу. После того как вернулась, измученная и худая, он пожалел её, и они помирились.

В этом году груши дорогие. Они похожи на октябрь, который тоже не уродился, затуманился, скис и потёк дождями. Часы презрительно сузились в 7.11 – заскулил будильник. Лера вздрогнула. Пора на работу. В дороге ждал всё тот же холодец. Он был совсем несмешной и неаппетитный. Дома, деревья, люди застыли в промозглом желатиновом сгустке. Жизнь Леры тоже была в таком сгустке уже очень давно.

На работе, в желе монотонных голосов дремали люди, мебель и Лера. Совещание-летучка затянулось на целый час. Какая же это летучка? – думала Лера. Не летучка, а жвачка. Все эти разговоры, как споры двух людей, зашедших в своих отношениях в тупик. Под ложечкой сосало то ли от голода, то ли от горечи. Сегодня они с Глебом отметили бы пятый год знакомства. А может, и первый год брака. Она много раз говорила и близким, и подругам, что не жалеет о сделанном. Так, наверное, лучше. Ей спокойнее (даже болеть почти перестала) – не нужно обороняться от нападок его родни и напрасно ждать, что он защитит. А Глеб встретит ту, которая не будет портить ему жизнь своими жалобами. И она своего человека найдёт. Но почему Глеб не вернул её? Она ушла только за тем, чтобы он наконец-то услышал, о чём она просит его. А что если любви и не было? Размышления прервал долгожданный конец бесконечного совещания, и Лера отправилась обедать.

Другая половинка

На тарелке лежала груша – угостили родственники его новой девушки. А груша-то не очень спелая. Твёрдая и коричнево-зелёная. Порывшись в ящичке стола, Глеб нашел ножик и начал очищать кожуру. Отрезал кусок и отправил в рот прямо с ножа. Лера бы на это долго ворчала. Она и с родителями постоянно спорила, а могла бы потерпеть – они ж заботились о них, добра хотели. Но теперь ей всё равно. Так, видимо, и было всегда. Иначе она бы не спланировала свой уход заранее, пока его дома не было. Жестоко. Это ведь не один день нужен – найти квартиру, собрать и перевезти вещи, да ещё чтоб он не заметил. А потом в один день взять и, ничего не объясняя, свалить, даже не поговорив. А если бы у них уже были дети? Она бы их вот так тихо увезла от него, от его родителей. Во рту стало терпко и сухо. Глеб, морщась, доел невкусный плод. Надо бы нормальные груши купить. Леший с ними, что дорогие. Отложив бумаги, он вспомнил, как они с Лерой в прошлом году отмечали день их первой встречи и ели груши. Душевно было. Спокойно и радостно, сладко.

Глеб бросил взгляд на часы. Скоро обед. Пойти бы перекусить в городе. На улице распогодилось. Туман рассеялся. Сегодня день, когда они с Лерой познакомились. Он всегда старался отметить его особенному. Зато теперь напрягаться не надо. С новой девушкой всё проще и легче.

На углу стояла машина, с неё продавали яблоки, груши и тыквы. На обратном пути жёлтый и сочный килограмм постукивал по ноге. Пространство вокруг превратилось в огромную спелую грушу. Глеб шёл по аллее, шуршал листьями платанов и ощущал на языке шершавый вкус грушевой кожуры. Оранжево-жёлтая мякоть осеннего света сочилась и текла по его губам, подбородку и рукам. Он даже поймал себя на мысли, что боится прикоснуться к светлой рубашке, чтобы не запачкать.

Навстречу шли люди. Прохожие и... неожиданно он увидел Леру. Она остановилась на противоположной стороне улицы, напротив его офиса, у светофора, прижимая к себе пакет с грушами, и старательно не замечала его. Потом нерешительно подняла руку в знак приветствия.

Светофор переключился и тревожно застучал. Лера съехала и торопливо засеменила, переходя дорогу. Из-за поворота вывернула машина. Откуда она взялась?

Визг тормозов...

Остановилась.

– Вот урод! – выругался Глеб в след водителю. – Ты как? В порядке?

– Да, – ответила Лера, – всё хорошо.

– Ну, ладно, тогда пока! – сказал он, развернулся и заторопился к офису.

Там, не раздеваясь, вымыл грушу, разрезал и положил на тарелку. В открытое окно снова тревожно отстукивал зелёные секунды светофор. В животе затрясся противный ноябрьский холодец. Солёным густком он стоял в носу и глазах, мешая видеть. Бетонное желе города поглощало маленькую фигурку Леры. А в офисе, разрезанная на две половинки и ожидая чего-то, лежала так и не съеденная груша.

ОСЕННЯЯ КЛУБНИКА. СЕНТЯБРЬ

Порывы ветра настойчиво тормозили сентябрь, как лёгкий сухой лист. Каждое мгновение этот ненадёжный месяц мог сорваться из его жизни, улететь и оставить один на один с осенью. Сентябрь пах солнцем, пылью, влажным воздухом и клубникой. Крупные, с неочищенный грецкий орех, ягоды лежали, разрезанные на дольки, в тарелке, рядом с его кроватью. Он потянулся к ним, зажал одну ягоду в руке и поднёс ко рту. Сверху ягода была спелая, мягкая и красная, а внутри белая, твёрдая и безвкусная. Он жевал её, чувствовал, как перемешивается вкус и безвкусие. Это нравилось ему. Сегодня у клубники было больше сладости. Ему хотелось жить.

– Гулять! – попросил он и попытался приподняться в кровати. Его одели, посадили на «волкер»¹ и повезли.

...Она шла впереди, и он видел тёмную голову, рюкзак и смешные резиновые сапоги в красный горох. Такие сапоги носили тут многие. Считалось, что это модно. Она купила их. Для чего? Там, откуда она приехала, такое не носят. А вдруг она всё-таки останется? – разволновался он. И тут же почувствовал, как мимолётно и странно то, что она идёт впереди его коляски, оборачивается, улыбается, а потом наклоняется к нему и спрашивает, видел ли он розу у парадного.

– Да! – говорит он. – Да...

Красная мигающая ладонь – светофор. Она успела быстрее. Исчезла в толпе. Где она? Где?!

– Рыбонька! Рыбонька! Майечка...

– Сидите, сидите, сейчас мы догоним её, – глушит его панику хаматениша², женщина, которая ухаживает за ним. Она похожа на мягкий диванный пуфик.

Светофор переключается. Теперь это белый, бесцветный человечек. Майя бы сказала, что светофор похож на клубнику.

Его коляска едет по бетонным плитам вдоль низеньких лавок с вывесками на английском, русском, китайском. «КА КА Бэкери» – в окне машет лапой китайский котик удачи. Мимо, визжа, проносятся машины и темнокожие дети, белые дети, дети с чёрными блинчиками на макушке. Навстречу пакистанка в оранжевом пенджаби катит большую тележку с продуктами.

– Тебе тепло? Хочешь, мы пойдём к океану? –

О! А вот и его рыбонька, какая же она красивая...

– К океану едем?

– Да. Везите!

Сколько здесь жили... всего пару раз океан навещали. Да и то без особого желания. А сейчас... Вот и Сабвэй³! Похоже, он опять заснул – не заметил, как очутился внутри метро.

...«Stand clear of the closing door please!»⁴ будто кашу во рту, без удовольствия жуёт слова машинист Двери поезда захлопнулись.

В метро он давно не ездил. Оно старое. И он такой же. Гулко стучит колесами поезда. Стук отдаётся в висках. Как собственное сердце. Тяжело стучит. Этот город болен чем-то или преждевременно состарился...

...Смотрите на океан! Мы приехали. Вы спите?

...Ты как себя чувствуешь? Ты устал...? Посмотрите-ка, он заснул!

...Не спи!...

Голоса. Нужно ответить им, иначе они никогда не замолчат.

– Нормально. Смотрю.

Океан где-то далеко. Его не слышно, почти не видно. Много песка. Наверное, он тёплый. Майя идёт по песку босиком. Держит в руках свои резиновые сапожки. Медленно идёт. Как будто прислушивается ступнями ног. И вдруг садится на песок, просовывает в него руки, словно под одеяло. Кричит:

– А песок сверху тёплый, а внутри холодный – одеяло шиворот-навыворот! Сверху лето, а внутри осень. ...Зайдёт солнце и лето остынет. Пора домой.

На обратном пути она идёт рядом, не убегает. Он просит держать его. Говорит: «Я падаю!». На самом деле боится отпустить Майю. Вдруг исчезнет? В поезде она садится на корточки перед ним и берёт за руку. Говорит, что у него ладони, как песок на брайтоновском пляже в сентябре. Дотронешься – тёплые, а обхватишь покрепче руками – прохладные.

А вот и его улица. Шестиэтажная кирпичная застройка, обвитая скелетом пожарных лестниц. Большие веранды, в которые вросли многолетние старики и старухи. Они отрешённо смотрят поверх пёстрых потоков проплывающей мимо них жизни и тоже чувствуют, как остывает лето. У них, должно быть, такие же, как у него, ладони.

– А чего ждут эти люди? – спрашивает Майя, когда они заходят в подъезд.

– Не знаю...

Она тоже замечает их. В лифте наклоняется к его уху и шепчет:

– Я поняла: это не дома, а корабли. Бабушки и дедушки ждут их отправления. Но никто про это не знает. Вот-вот – и что-то свершится.

– Держи меня, я падаю!

Опять кружится голова. Майя сжимает его руки, говорит, что на самом деле он не падает, а летит. Разве может воздух удержать его? Она улыбается. Прощается с ним до вечера. Уходит на кухню. Он и не заметил – они уже дома.

– Можно я полежу?

Его укладывают в комнате, где открыто окно и пахнет парниковым клубничным сентябрём.

Жёлтые, красные, чёрные... машины, светофоры... люди. Нет. Здесь люди больше бесцветные, как лёд. И здания, как лёд. Гигантские кубики льда в коктейле манхэттоновских улиц. От них холодно. Очень холодно. В них заморожено что-то...

– Человеческие души, – отчётливо говорят в ухо.

Бежать, бежать отсюда! Где Майя? Почему они опять отстают?

Он же просил. Он предупреждал.

– Майя!

Губы не слушались, будто он пил настоящий коктейль со льдом. Вдруг впереди мелькнула её каштановая головка. Она уходила. Он снова окликнул внучку. Майя повернулась и помахала ему рукой, а потом девочку заслонила толпа.

Он стоял на своей улице, перед собственным домом.

– Пустите меня. Там мой дом! – крикнул он всем этим, собравшимся тут.

Но его оттеснили. Сказали, что это корабль, а у него нет билетов.

– Майя! Майя! – звал он, думал, что она хотя бы выглянет в окно...

...В открытое окно смотрели окна противоположного дома. В комнате было тихо. Он потянулся к тумбочке, но тарелки с клубникой там не оказалось.

Он позвал. Сначала их. Потом Майю. Но никто не пришёл. Обида зацекотала горло. Они пошли в ресторан и засиделись. Веселятся за его счёт. А он один. И клубники нет.

– Подойдите! – крикнул он ещё раз.

Его зов потонул в вое сирен. Как огромные коты, гнусаво подали голос улицы. По ним мчались скорые и пожарные. Шли- и-и, шли-и-и-и – шумел прибой мегаполисного океана. Прошла ночь. Никто к нему не подходил. Он начал волноваться. Вдруг они заблудились. Они же не знают города. Ухватившись за поручень ходунка, стоящего рядом с кроватью, сел. Голову потянуло вниз. Он снова лёг, но как-то неудобно. Долго не мог высвободить руку.

На минуту показалось, что он упал и лежит на полу. Потом снова увидел в толпе Майю.

– Майечка, Майечка! – крикнул он и, преодолевая толкающую его со всех сторон толпу, рванул к ней.

Рука была освобождена. Он снова ухватился за ходунок, поднялся в кровати и усилием воли заставил себя не повалиться обратно. Потом встал. Медленно передвигая ходунок, пошёл.

Жих-тум-м, жих-тум-м.

По старому скрипучему паркету ползла огромная гусеница, поднимая и опуская грузное тело. Порог. Коридор. Поворот. Свет.

Они сидели на кухне и смотрели телевизор.

– Где вы были? – сказал он им. – Я так волновался.

Они подбежали. Заохали. Повели его обратно в спальню.

– Мы тут! Мы тут!

– Что же вы пришли из ресторана и ничего не сказали?

– Какой ресторан? Мы тут были, на кухне, макароны варили.

– Я волновался. Вы же могли потеряться!

– Так мы не ходили никуда...

– ...А я думал, что вы в ресторане.

– Какой ресторан?

Они переглянулись, начали неуверенно извиняться. Он не хотел говорить с ними, но там стояла Майя.

– Уже утро? – спросил он.

– Нет, нет! Сейчас половина десятого вечера, – забубнили они, не давая ответить Майе. – Тебе надо спать.

Он закрыл глаза. Не хотелось слушать их. Не хотелось жить. И клубники больше не было. Но кто-то взял его за руку. Открыл глаза, а перед ним сидела Майя. Её духи пахли осенней клубникой.

– Майечка, ты хорошая девочка, – сказал он ей.

Она улыбнулась, поставила тарелку с клубникой прямо на его постель. Спросила, можно ли ей тоже угоститься.

– Можно.

Они ели клубнику, а Майя говорила про распустившуюся перед его подъездом розу. Что та похожа на принцессу, но уже сентябрь и ночи холодные, а вдруг роза замёрзнет?

Он удивлялся, что она может одновременно говорить с ним и думать о розе.

– Ты помнишь свою первую любовь? – вдруг спросила она.

– Не помню, – сказал он.

Так обычно он отвечал на все вопросы, которыми мучили его.

Но этот вопрос был приятным. Он задумался.

– У неё были каштановые волосы.

– А звали её как?

– Майя.

– Как меня?

Клубника на тарелке закончилась.

– Дайте попить, – попросил он.

Она поднесла к его губам пластиковую бутылочку с холодной, как он любил, водой. Он сделал глоток, закашлялся, вернул бутылку Майе. Потом они попрощались. До утра.

Вокруг была ночь. Густая и тёмная. Только окно светилось. В нём виднелся верх противоположного дома и кусочек неба. На небе появлялись и исчезали, превращаясь в звёзды, самолёты. Двадцать минут езды до аэропорта Кеннеди. Спать не хотелось. Вместо этого внутри была какая-то дрожь ожидания. Кого-то... чего-то...

– Пить! – попросил он.

Но никто не пришёл. И вдруг он вспомнил, что прошла не одна ночь. Они уехали. Вот уже целая неделя, как они уехали... или больше? Сны отступили. Значит, теперь нечего ждать? Он осязал под собой кровать, слышал: в ванной капает кран. Он ясно помнил каждую черту лица Майи. Высокий лоб, густые брови и между ними родинка. Её выразительные восточные глаза – как у персонажей его любимого Шагала. Повеяло холодом. В окне виднелся дом. Два закруглённых окна и лепное украшение над ними, как родинка... Не дом, а лицо Майи проступало из вишнёвого сумрака.

– Дайте клубники! – крикнул он и вдруг увидел, как лицо внучки превращается в лицо Майи, его первой школьной любви. Её лоб был запачкан соком клубники. На день рождения девочки они всегда объедались ягодами. Клубника была сладкой-сладкой и внутри, и снаружи. В ней была уверенность лета.

– Дайте клубники!

В комнату тихо зашла хаматениша.

– Закончилась клубника. Завтра я вам сок куплю.

– Значит, сентябрь уже оторвался и улетел?

Женщина не поняла его. Тогда он спросил, какое сейчас число.

– Второе октября...

Да, так и есть. Дрожь ожидания в груди усилилась. Опять закружилась голова. Он откинулся на поду-

шку, закрыл глаза и представил, что воздух держит его. Так, как умела Майя. Эти два ощущения смешались во что-то вкусное и безвкусное, удивительное и непонятное, как осенняя клубника.

– Лечу! – сказал он...

Женщина пожала плечами и поправила одеяло. Это был секрет только его и Майи.

Он ждал утра. Того, до которого они попрощались. Кусочек неба светлел, там исчезали звёзды, превращаясь в самолёты.

¹ инвалидная коляска.

² хаматениша (хаматен) – социальный работник по уходу за больными и пожилыми людьми в США.

³ метро.

⁴ Осторожно, двери закрываются! (пер. с англ.).

МАРИНА СЫЧЁВА

Рыбница

ВСЁ УДЕРЖАТЬ В СЕКРЕТЕ

Жёлтым карандашом фраза из трёх слов.
Было бы хорошо не ворошить основ
и не менять суть, смыслы хранить, но
это не наш путь (и не про нас кино).
Мы – по губу в грязь, через великий труд
выползем, чтоб смеясь вспомнить, как был крут
выбор «идти назло и вопреки всему».
Эвоно, как свезло – живы мы! Никому
не разгадать о чём наша мольба в борьбе...
Жёлтым карандашом: «не изменяй себе».

ДЕВОЧКА С ФОТОГРАФИИ

Старые фотографии в потёртых, крашенных рамках:
устало-хмурые лица, смотрящие только прямо,
в глазах напускная серьёзность, и девочка в сером платье
строго сжимает губки, в своё грядущее глядя.
Девочка верит, что «партия счастье дарит детям»,
и в то, что сильнее папы нет никого на свете...
Ещё она точно помнит все самые важные даты:
семейные именины и дни, когда есть парады.
Ей нравится праздник ёлки, вернее, его ожиданье,
где разноцветных игрушек и серпантина сверканье,
и запах смолистой ели в бликах огней неярких,
и Дед Мороз шоколадный в шуршащем фольгой, подарке.